

Глава 3. Неужели я тебе надоел?

—

Чем дальше шел Байлянь, тем тяжелее становилось его тело. Раньше, в павильоне Инчунь, он был слишком потрясен и напуган, всё его внимание было сосредоточено на происходящем, но стоило ему сбежать и расслабиться, как он почувствовал жуткое недомогание.

Особенно при ходьбе – тайная боль заставляла его лицо вспыхивать румянцем. Не смея показать виду, он шел, на каждом шагу судорожно втягивая холодный воздух сквозь зубы.

Он только и жалел о том, что не врезал Нин Муяню еще пару раз.

Пока он столько лет скитался одинокой душой, этот парень неплохо устроился! Мало того что вернулся из такой дыры, как Линьнань, обратно в столицу префектуры, так еще и целым домом детей и внуков обзавелся!

И впрямь, у мужчин нет совести.

Зря он обивал пороги тюрьмы, чтобы вызволить его, зря заботился о нем в ссылке. Он думал, что даже камень можно отогреть, но Нин Муянь, этот «дракон среди людей», в конечном счете так и не смог по-настоящему оценить его, простого гера низкого происхождения.

Едва поддерживая свое измученное тело, Байлянь добрался до городских ворот, где за две монеты втиснулся в воловью повозку.

Глядя на знакомые пейзажи вдоль дороги – пышную зелень и густую листву раннего лета, он понемногу успокаивался. Раз это дела прошлой жизни, зачем тянуть их в нынешнюю? От этого будут только лишние обиды и сожаления.

Воловья повозка тряслась больше часа, прежде чем наконец добралась до деревни Лукоу, где Байлянь провел детство. Увидев место, куда он за десятилетия призрачных скитаний так и не смог вернуться даже взглядом, и вновь ощутив под ногами твердую землю, Байлянь невольно почувствовал, как глаза защипало от слез.

Стиснув зубы, он поспешил к маленькому дворику с аптекой, где они жили вдвоем с отцом. Всё было в точности так, как в его самых ранних воспоминаниях.

Сельские домики с глиняными стенами и крышами из иссиня-черной черепицы стояли в тишине под замком. Двор был обнесен изгородью из деревянных кольев, а повсюду стояли плетеные лотки с сохнувшими лекарственными травами.

Байлянь открыл калитку и вошел. В доме было тихо. Он вспомнил, что отец ушел на вызов в другую деревню и должен был заночевать у пациента.

Хоть он и отчаянно тосковал по родному человеку, он понимал, в каком плачевном состоянии находится. Посторонний решил бы, что он просто побледнел, но его отец – лекарь, он сразу почует неладное.

Он поспешно вошел в дом, развел огонь и поставил греться воду, собираясь искупаться и привести себя в порядок.

Пока вода закипала, Байлянь посмотрел на домашние аптекарские горшки. Он прикусил губу,

поколебался, но всё же взял один и принялся варить лечебный отвар.

Погода в начале лета уже стояла жаркая, вода закипела быстро. С трудом дотащив бадью в свою комнату, Байлянь скинул одежду и судорожно выдохнул.

Когда он увидел Нин Муяня, испуг парализовал его, и он лишь в панике натянул вещи, но теперь, вернувшись домой и внимательно осмотрев себя, он увидел множество синяков и отметин. На его белоснежной коже они смотрелись пугающе.

Байлянь собрал волосы в пучок. Этот человек в обычные дни вечно был занят и не заглядывал к нему по восемьсот лет, неужели за один раз он решил наверстать упущенное за все эти годы?

Он погрузился в воду. Неудивительно, что в дороге было так больно – с такими-то отметинами! Теплая вода принесла долгожданное облегчение, хоть и на время.

Но долго отмывать он не смел, боясь возвращения отца. Вымывшись, он переоделся в чистое и прибрал в комнате, вернув всё на свои места.

Байлянь сел за маленький столик, глядя на чашку с коричневым снадобьем. Он зажал нос, не желая даже смотреть на него. Кому, как не сыну лекаря, знать, какое оно горькое.

Он засомневался: может, не пить? Вряд ли тот человек настолько «могуч», чтобы всё получилось с одного раза, ведь раньше этого не случилось.

Но лучше перестраховаться, чем потом жалеть. Если вдруг что... он ни за что не хочет иметь ничего общего с тем человеком. При одной мысли об этом Байлянь задержал дыхание, поднес чашу к губам и выпил всё залпом.

Это будет его «точкой» в их отношениях!

Байлянь уснул. Он чертовски устал и провалился в глубокий сон, от которого его пробудил звук открывающейся двери снаружи.

— Лянь-эр*, ты дома?

[*Суффикс «эр» (尔, ér) в китайском языке при использовании в обращениях придает словам ласковый, уменьшительный, фамильярный или интимный оттенок, указывая на близость между говорящими. Часто используется при обращении к детям, младшим или между близкими друзьями, влюбленными.]

Услышав знакомый голос, Байлянь кубарем скатился с кровати, откинул одеяло и, даже не натянув задники матерчатых туфель, бросился во двор. Выбежав, он заметил, что уже начало смеркаться.

Худощавый мужчина средних лет в поношенном синем халате держал на плече деревянный аптекарский ящик. Из-за того что он долгие годы ходил по вызовам с этой тяжестью, его спина была слегка сутулой.

Двор заливал мягкий желтый свет заката. Цзян Цзычунь шел навстречу сыну и, увидев его, тепло улыбнулся:

— Увидел запертую дверь и подумал, что тебя нет дома.

У Байляня, стоявшего под навесом, внезапно защипало в носу. Эту сцену он переигрывал в памяти бесчисленное количество раз за последние десятилетия, и теперь, увидев отца наяву, он почувствовал, как сердце переполняют чувства.

Он быстро подошел и привычно перехватил ящик из рук отца:

— Почему тебя так долго не было, папа? Неужели пациент был слишком тяжелым?

Цзян Цзычунь позволил сыну забрать ящик. Слыша в его голосе обиду и капризные нотки, он с улыбкой потрепал Байляня по голове.

— Да нет, просто старик ногу повредил, я вправил кость и пошел обратно. Только вот воловья повозка не подвернулась, пришлось идти пешком. А у въезда в деревню встретил господина Лю, он жаловался на головную боль и жар, пришлось зайти и к ним. Господин Лю угостил меня чаем, вот и задержался.

Байлянь занес ящик в дом:

— Землевладелец Лю?

Цзян Цзычунь кивнул. Он присел и, взяв своего единственного ребёнка за руку, мягко произнес:

— Господин Лю сегодня спрашивал о твоей дате рождения. Его пятый сын как раз вошел в возраст для женитьбы. Я присматривался к этому парню: хоть он и не такой хваткий, как старшие братья, зато работающий и надежный. Что скажешь?

Глаза Байляня расширились. Он недовольно буркнул:

— Папа, ты так быстро хочешь от меня избавиться? Неужели я тебе надоел?

— Ну что ты такое говоришь! Мы же опора друг для друга. Я бы и сам хотел, чтобы ты всегда был дома, но где это видано, чтобы гер не выходил замуж?

Цзян Цзычунь вздохнул:

— Я думал о том, чтобы взять тебе мужа в наш дом, но мы ведь не богачи, живем скромно. Боюсь, достойного человека не найти, только жизнь тебе испортим. Наша деревня не маленькая, людей много. Я и подумал, что лучше найти хорошую семью здесь, под боком, верно? Ты хоть и молод еще, но на хороших женихов всегда очередь, нужно планировать заранее.

Байлянь обеспокоенно спросил:

— Ты ведь не дал согласия семье Лю?

— Как я мог согласиться без твоего слова? Просто ответил вежливо. Даже если семья Лю зажиточная, я не стану выдавать тебя против воли.

Байлянь облегченно выдохнул и присел рядом с отцом. Он знал, что он для отца – зеница ока, и тот во всём учитывает его интересы. Вообще-то, найти мужа в своей деревне было бы лучшим вариантом, но теперь... как он может искать «хорошую семью» после того, что случилось?

— Я не хочу выходить замуж. Хочу учиться у тебя лечить людей.

Он посмотрел на отца чистым взглядом, говоря то, что было на сердце. В те долгие, беспросветные годы в поместье он коротал время за книгами по медицине и иглоукалыванию, мечтая, что когда-нибудь это пригодится. На пути в ссылку он как-то обмолвился Нин Муяню, что хотел бы стать уважаемым врачом.

И теперь, когда у него появился второй шанс, разве захочет он просто выйти за кого попало?

— Глупости говоришь. Если меня когда-нибудь не станет, что ты будешь делать без мужа?

— Папа!

Видя, что сын разволновался, Цзян Цзычунь смягчил тон:

— Ладно-ладно. Раз ты еще молод и не хочешь замуж - пусть будет так. Я не стану тебя заставлять.

Только тогда Байлянь кивнул. Он обхватил отца за руку и прижался к плечу:

— Отдыхай, папа, а я пойду приготовлю ужин.

Цзян Цзычунь с улыбкой согласился.

Байлянь развел огонь и поставил вариться рис. Он много лет не занимался домашним хозяйством, и поначалу руки не слушались, но так как он делал это с детства, пара попыток - и навыки вернулись.

Пока в печи горел огонь, он вышел во двор, чтобы занести корзины с сушившимися травами в дом. На душе было беспокойно. Сейчас он еще молод, и отец слушает его, но через три-пять лет тот начнет переживать еще сильнее, а он не хочет расстраивать старика.

Пока он не видел выхода. Байлянь вздохнул. Семья жила бедно, будь они побогаче - и проблем было бы меньше. Он решил, что нужно найти возможность потихоньку начать лечить людей самому. Так в доме появятся лишние деньги, и жизнь станет лучше.

При этой мысли на душе у Байляня наконец стало светлее.

—

<http://bllate.org/book/15039/1329384>